

Твен потянул за лицо, когда стоял у зала вылета в международном аэропорту Шуанлю и смотрел на огромные рекламные щиты снаружи.

В настоящее время в Чэнду было пасмурно, но он все же взял свои солнечные очки из кармана и надел их.

За пределами Международного аэропорта Шуанлю была специальная полоса для такси, так как они ждали пассажиров, выстраивавшихся в очередь один за другим. Без необходимости пометить такси, Твен вытащил свой чемодан прямо в пустую машину.

"Привет!" Водитель такси с энтузиазмом встретил Твена.

Когда он услышал, что водитель говорит по-английски с сычуаньским акцентом, Твен захотел посмеяться, но у него было прямое лицо.

Данн последовал за ним и остановил его багаж. Водитель с энтузиазмом помог им положить багаж в машину.

После того, как они сели в такси, водитель завел машину и спросил: "Куда?".

"Эээ..." Твен понял, что не знает, куда идти первым, когда открыл рот, чтобы говорить, поэтому он обратился к Данну и спросил на сычуаньском диалекте: "Куда мы идем первыми?".

Водитель, сидя впереди, дернулся. Он был ошеломлен.

Видя реакцию водителя, Твен не мог спросить Данна, потому что он смеялся.

Данн безнадежно посмотрел на него, повернулся к водителю и сказал: "Езжай на переулок Лянджия".

"Мы не останемся в Чэнду на два дня и не повеселимся?" Твен решил говорить на Сычуаньском диалекте. В Англии он постоянно говорил по-английски. Было бы очень претенциозно с его стороны говорить по-английски, когда он вернулся в Китай.

"Нет, я позвонил родителям перед возвращением, и они попросили меня вернуться немедленно."

Твен слушал и кивал головой. Данн уехал в Ноттингем из Сычуана два года назад. У него не было никакой связи с родителями, кроме регулярных телефонных звонков. Теперь, после того как он два года не виделся со своим сыном, его родители, естественно, с нетерпением ждали его.

Он понимал их стремление к скорейшему возвращению сына.

На самом деле он тоже был взволнован.

Двое мужчин даже не обедали. Они просто уехали из Чэнду в полдень на автобусе дальнего следования.

Эта поездка отличалась от его предыдущего возвращения. Твен не жаждал ехать в город. Без Шенайи, сопровождавшей его в этой поездке, ему также не приходилось думать о том, чтобы поесть, выпить или повеселиться.

Цель его возвращения на этот раз была ясна; это было посещение его родителей, которых он не видел в течение трех лет.

□□□

Путешествие из Чэнду в Данн, а точнее в родной город Танг Эн, занимало три часа. Домой на общественном транспорте можно было добраться еще почти за час, а от автобусной станции - всего за полчаса, если ехать на такси.

Они смотрели "Адские дела" на автобусе, и пассажиры с удовольствием смотрели его. Ни Твен, ни Данн не были заинтересованы. У них обоих было что-то на уме.

Твен не знал, будет ли Данн чувствовать себя неловко. Раньше его нынешние родители были родителями Твена, а теперь он собирается встретиться с ними с их настоящим сыном. С психологической точки зрения, сможет ли он принять разницу в их личности?

Пока они были в Англии, им нужно было только заботиться о своей собственной идентичности, что было легко решить, так как они оба были молоды и открыты к идеям. Они могли спокойно думать и принимать эту реальность. Им не нужно было думать о своих отношениях с родителями и сталкиваться с этой неловкой сценой.

Твен знал, почему он вдруг сказал, что хочет сопровождать Данна в этой поездке домой, чтобы навестить родителей. Данн также должен был знать, что было у Твена на уме. В конце концов, они были биологическими родителями Танг Эна, которые вырастили его. От этого чувства нельзя было избавиться только потому, что изменилось тело и личность.

Танг Ен теперь выглядел как белый человек, но внутри он всегда был китайцем. Это никогда не могло измениться. Эти люди и вещи, как Китай, Сычуань, его родители... За двадцать шесть лет его жизни они оставили неизгладимый след, который он не мог стереть.

Почему он был так взволнован, столкнувшись с Ян Янем в Ноттингеме? В дополнение к тому,

что она была объектом его первой тайной влюбленности, возможно, было что-то вроде знакомства. Ян Янь была проекцией его прошлого, и она сделала Твена неспособным забыть его первоначальную личность. Как только он увидел ее, он вспомнил свое прошлое, хорошее оно или плохое. Теперь, когда он потерял его, оно стало для него особенно ценным.

Когда он и Шенайя приехали сюда два года назад, он придумал предлог, чтобы привезти Шенайю в Китай с визитом. В то время он не знал, какую личность он должен использовать, чтобы встретиться со своими родителями. Поэтому он просто украл взгляд на них издалека и уехал. На этот раз они с Данном планировали остаться дома на некоторое время и ежедневно общаться со своими бывшими родителями. Будет ли это неловко?

Он посмотрел в сторону на Данна, который в оцепенении смотрел в окно. О чем он думал?

□□□

Для Данна эта дорога за окном была ему чужда три года назад. Эта страна тоже была незнакомой. Он никогда не думал, что приедет в Китай.

Но теперь это было одно из самых знакомых ему шоссе, более знакомое, чем шоссе М1 из Ноттингема в Лондон.

Была только одна причина, по которой он чувствовал себя идентифицированным с этой землей: его нынешние родители. Отсутствие в его жизни отцовской и материнской любви сделало появление его нынешних родителей подобным Божьему дару. И поскольку они были китайцами, он признал свою новую идентичность как китайца.

Из-за этого он мог легко отказаться от своей прежней идентичности.

Он совсем не скучал по своему "дому" в Англии.

До того, как он встретил Твена, у него не было никаких сомнений в том, что он может наслаждаться этим счастьем.

Когда он согласился вернуться в Англию на свою карьеру, он знал в глубине души, что ему придется столкнуться с другим настоящим сыном - им и его родителями.

Он, конечно, боялся потерять свою нынешнюю жизнь, но как человек, который занимал чужое тело и семью, он чувствовал себя немного виноватым из-за Твена. Твен не знал о своей прежней жизни, но ему было ясно, что в прошлой жизни не по чему ностальгировать. Если это был бизнес, то он как будто получал огромную прибыль с очень небольшим капиталом. Нет, это было больше похоже на то, что у него был шанс.

Из-за таких мыслей он всегда чувствовал, что воспользовался этим. Если бы он не встретил

Твена, он мог бы продолжать в том же духе. Тем не менее, как только он встретил его, что вина медленно возникла и занял его мысли. Он чувствовал, что, возможно, он должен поехать в Англию, чтобы встретиться с ним лицом к лицу и все прояснить, а затем выяснить это.

Поэтому он поехал, и нашел Твена легче, чем он ожидал. Он был общительным и жизнерадостным человеком, и чувствовал себя немного виноватым. Почему? Он чувствовал себя так, как будто он сделал Dunn плохой услугой, потому что он был менеджером теперь, кто достиг определенного успеха.

Данн думал, что было забавно думать о таких вещах. Некоторые люди относились к своей карьере как к более важной, чем что-либо другое, в то время как другие чувствовали, независимо от того, насколько велика их карьера, конечная цель иметь счастливую семью была лучше. После того, как Данн испытал изменения в своем теле, он стал последним человеком и нашел свою цель.

Данн не был амбициозным человеком. В прошлом его самым большим желанием было стать главным тренером молодежной сборной "Леса". Это была его амбиция - тренировать молодых игроков. Он и Твен были принципиально разными. Твен жаждал победы, чемпионских титулов, славы, денег, славы. Он желал того, что представляло собой успех. Данн чувствовал, что эти вещи не имеют значения, и Твену нужна была его помощь, поэтому он помог ему.

Поэтому, когда Твен сказал, что хочет вернуться к родителям, он согласился. Он знал, что Твен не лишит его настоящей жизни. Ему не о чем было беспокоиться.

Что касается неловкости родителей, когда они видели своего настоящего сына, то он не чувствовал никакого дискомфорта по поводу того, что является "третьим лицом". Нечего было смущаться.

Что касается истинной личности Твена, то кто бы мог знать, пока они с Твеном держат это при себе? Было бы хорошо, если бы они держали это в секрете вечно.

Он не знал, есть ли в мире кто-то вроде него, кто поменялся телами с кем-то другим. Даже если бы был, они бы не сказали правду. По сравнению с обществом, он был единичным случаем в очень малом меньшинстве.

□□□

Через три с половиной часа после того, как они отправились из Чэнду, Твен и Данн наконец прибыли в маленький городок на юге Сычуаня. Как только они вышли со станции, они не взяли такси; с иностранцем их легко обмануть обманщиками. Хотя никого из них не волновала эта небольшая сумма денег, Твен счел недопустимым, чтобы с ним обращались как с дураком.

Сколько бы нетерпеливых водителей за пределами станции не предлагали им прокатиться и не следовали за ними с вопросами о том, куда они направлялись, двое мужчин молчали и тащили

свой багаж прямо на автобусную остановку.

"Ты все еще помнишь, на какую линию ехать?" Данн спросил, наблюдая за Твенем, стоящим перед информационным щитом автобуса, и тщательно его обыскал.

Твен оглянулся на него, а затем указал на второй ряд на доске объявлений автобуса: "Конечно, автобус № 75. Одиннадцать остановок".

"Ты очень хорошо это помнишь".

"Ничего не могу с собой поделаться. Двадцать шесть лет я не мог забыть об этом, даже если бы захотел." Твен слегка покачал головой. "Я ходил в городскую среднюю школу и ездил туда-сюда каждую неделю. Этот автобус ехал рядом с нашей школой", - сказал Твен, указывая на одну из остановок.

Сев в автобус, двое мужчин сидели в переполненном купе в тишине. В конце концов, иностранец, говорящий на сычуаньском диалекте, был бы слишком заметен. Твен не хотел создавать ненужных проблем.

После более чем часовой тряски они вдвоем стояли у ворот города в шесть часов дня. Это был маленький городок, и через середину города прошла национальная магистраль, разделившая его пополам. Скромная автобусная остановка находилась у входа в продуктовый магазин, на обочине пыльной гравийной дороги была установлена металлическая табличка.

Твен стоял под металлической вывеской и смотрел на зрелище перед собой.

В конце дороги, к западу от города, висел огромный закат. Они смотрели прямо в этом направлении, и им пришлось прищуриться, чтобы ясно видеть впереди. Автобус ехал по дороге, как будто постепенно интегрировался с красным солнцем, его тень становилась все длиннее и длиннее.

Ученики, отчисленные на день из школы, проплывали мимо него в сопровождении своего учителя. Любопытные дети с нетерпением ждали появления здесь иностранца. Они болтали о нем, говоря с знакомым местным акцентом.

Настало время ужина, и запахи от приготовления пищи доносились из близлежащих магазинов на улице.

Данн стоял впереди и поворачивался, чтобы посмотреть на Твена, который не шевельнулся: "Ты нервничаешь?".

На него ответил грохот, доносившийся из желудка Твена.

"Нет, я голоден".

Данн бессловесно улыбнулся, а потом повернулся и сказал: "Тогда пошли, я сказал им, что мы поужинаем дома".

"Эй, ты рассказала маме и папе обо мне, не так ли?" Твен вытащил свой багаж, чтобы наверстать упущенное.

"Да, по телефону."

"О... какова была их реакция?"

"Они рады, что я приведу домой друга."

Твен посмотрел на темное небо в сумерках и сказал: "Это потому, что раньше ко мне домой приходило очень мало друзей?"

"Не знаю, это твое дело."

Твен посмотрел на жителей города. С маленьким городом и его крошечным населением он постоянно не высовывался и избегал людей, даже если видел их каждый день. С тех пор как Данн вернулся, он не встречал на дороге никого, с кем можно было бы остановиться и обменяться любезностями. Его бывшая "я" действительно имела плохие отношения с людьми.

Идя вперед, Данн не слышал звука шагов и трения колес качения багажа, поэтому он любопытно повернул назад и обнаружил, что Твен снова остановился.

"Эй, ты не голоден?"

"О, иду."

Увидев несколько отвлечённого Твена, Данн сказал: "Я знаю, что те истории, которые случились после того, как ты заменил меня, были не совсем такими, как ты". После того, как я стал тобой, я очень старался следовать твоему образу жизни, потому что беспокоился о том, что меня обнаружат. Но кроме того, что я отстранён от жизни, мне больше нечему было учиться".

"Это хорошо. Мне не нравится быть в центре внимания." Твен пробормотал, когда поднимал воротник.

□□□

Два человека повернули за угол с улицы, чтобы подняться по лестнице. Зигзагообразный лестничный марш пролегает среди низких серо-коричневых домиков. Южный Сычуань был холмистым, а дом Тан Ена в его родном городе был построен на склоне холма. Дорога была построена в долине холмов, и каждое домохозяйство жило на склонах холмов с обеих сторон.

Твен был знаком с этой дорогой. В детстве он часто прыгал вверх и вниз по этим ступенькам и не спотыкался и не падал даже с закрытыми глазами. Сзади на склоне холма были рисовые поля, а также набережная для молотбы зерна, проведения городских собраний и просмотра кинофильмов. И, конечно же, именно там он играл в футбол.

Когда он и Шенайя приехали сюда два года назад, они проезжали мимо только на машине от дороги вниз. Он только торопился посмотреть.

Сегодня, стоя на этих известняковых ступенях и осматривая карнизы окружающих домов, которые только доставали до его груди, в нем возникло сложное ощущение и фамиллярности, и странности.

Раньше он считал эти дома высокими.

"Вот и мы". Данн, который шел впереди, внезапно ускорил темп, сделав два-три шага вверх по лестнице.

Твен стоял сзади и смотрел на знакомые известняковые кирпичи и черные плитки, а также на двух стариков, стоявших у двери со знакомыми лицами. Они улыбнулись, когда увидели Данна. Его отец, одетый в фартук, повернулся обратно в дом и был занят, в то время как его мать держала за руку сына, которого она не видела два года, и вежливо спрашивала о его благополучии.

Твен стоял внизу и безучастно смотрел на долгожданную сцену. Всякий раз, когда он возвращался домой на весенний праздник из колледжа, его родители также ждали его на пороге, когда это был зимний двенадцатый лунный месяц, а не летний день, как сейчас.

Данн, который разговаривал со своей матерью, понял, что Твен не последовал за ним. Поэтому он повернулся назад и указал на Твена, когда тот сказал несколько слов своей матери. Твен обнаружил, что оба человека смотрели на него, поэтому он подошел, но не знал, как назвать женщину, стоявшую перед ним.

Тетя?

Мама?

Данн знал, что было у Твена на уме, но он все равно должен был напомнить Твэйну, чтобы он не взорвал свое прикрытие, поэтому он закричал: "Тони?"

Этот голос позвонил Твэйну, чтобы он не потерялся в своих мыслях.

"О, привет. Я друг Данна, меня зовут Тони Твен."

"Здравствуйте, здравствуйте. Мой сын говорил о вас, он сказал, что вы можете говорить на сычуаньском диалекте. Сначала я не поверил. Теперь верю. Заходите, пожалуйста!"

Твен принес багаж в дом и поприветствовал своего престарелого отца, который нашел время выйти из кухни. Потом он забрал подарок, который привез из Англии. Несмотря на то, что его родители отказались, они, наконец, приняли его.

Они вернулись как раз вовремя. Ужин был готов. Суп просто нужно было подогреть, и они могли поужинать. Твен проголодался. Для того, кто постоянно ел рыбу и чипсы в Англии, он был безмерно счастлив, что смог съесть по-настоящему аутентичные домашние блюда.

Родители Данна были встревожены количеством еды, которое мог собрать этот иностранный друг. Они любопытно посмотрели на своего сына, в то время как Данн посмотрел на Твена, который был занят набивкой, и смущенно улыбнулся своим родителям: "Ему очень нравится сычуаньская еда".

Внезапно на них заревело: "Не торопитесь с едой, медленно, не спешите, еще много".

Когда Твен услышал это замечание, он быстро набил себя еще еды.

Он не осмелился смотреть вверх, опасаясь, что его краснокожие глаза будут будоражить родителей, сидящих напротив него.

<http://tl.rulate.ru/book/15747/894111>